

Большевики и прочіе социалисты.

1.

Для теоретическаго предвидѣнія хода русскихъ событій (предвидѣнія, не исключающаго, разумѣется, возможности счастливыхъ историческихъ случайностей, но, въ качествѣ предвидѣнія теоретическаго, не могущаго и считаться съ ними) — необходимо прежде всего задаться вопросомъ: имѣются ли въ русскомъ идейномъ оборотѣ революціонные по отношенію къ большевизму и обладающіе надлежашей взрывчатой силой этико-политическіе элементы?

Надежды на революцію въ Россіи связываются съ дѣятельностью и пропагандой т. н. „умѣренныхъ социалистовъ“. Допуская условно существованіе въ русской природѣ такой разновидности, слѣдуетъ подвергнуть провѣркѣ ея революціонную боеспособность. Слѣдуетъ помнить, что эта „умѣренность“ — двусторонняя, двулика: если умѣренна оппозиція социалистовъ по отношенію къ либеральной идеологій, то умѣренна и ихъ идейная вражда къ коммунизму. Терминологическое мастерство большевиковъ, быть можетъ, безсознательно, но ярко изобразило ситуацию: меньшевики и эсэры — не „буржуазная контръ-революція“, а „соціаль-предатели“. Ихъ крамола не перестаетъ быть социалистической, и социалистическимъ же остается атакуемое ими государство. И это-то тождество предикатовъ обращаетъ крамолу въ малоопасную для большевизма фронду.

Способны ли социалисты произвести революцію въ Россіи? — въ эту форму приходится намъ теперь облечь поставленный выше вопросъ.

2.

Въ каждой революціи заложена максималистская тенденція. Революціонную идеологію характеризуетъ абстрактный радикализмъ, непримиримый въ отношеніи къ составнымъ элементамъ разрушаемаго режима. Съ этой непримиримостью соразмѣрна утопичность революціонныхъ постулатовъ, контрастирующихъ съ изжитой исторической дѣйствительностью. И объ онѣ, непримиримости и утопичности, пропорціональны степенни разложенія и омертвѣнія до-революціоннаго режима.

Пока мы пользуемся преимуществомъ опираться на трюизмы. Но съ объективно-психологической точки зрѣнія, можетъ быть,

правильнѣе не говорить объ утопичности и максималистически-разрушительномъ доктринерствѣ революціонныхъ идей: это — понятія относительныя и заложена въ нихъ мысль о значеніи (предполагается — гибельномъ значеніи) революціоннаго „перегрѣва“ для послѣдующихъ судебъ страны; между тѣмъ въ дѣйствительности значеніе это можетъ быть глубоко различно въ зависимости отъ исторической обстановки, абсолютная же сущность революціоннаго процесса — а ее-то именно и имѣется въ виду характеризовать — остается неизмѣнной. Правда, до недавняго времени трудно было себѣ представить, чтобы безудержность революціоннаго разрушенія, максималистскій разрывъ съ социальнымъ настоящимъ страны могли иначе, какъ гибельно отозваться на судьбѣ страны; и нужно было особое изощреніе фантазіи, чтобы вообразить такую социальную-политическую ситуацію, при которой смертнымъ приговоромъ была бы „эволюціонная“ програма преобразованій, и благовѣстомъ — беспощадная и безоглядная революціонная ликвидація. Но словно для того, чтобы научить теоретиковъ отличать самую природу революціоннаго процесса отъ его послѣдствій — мертвящихъ въ однихъ случаяхъ, животворныхъ въ другихъ, капризница исторія послала имъ Совѣтскую Россію. Теперь мы знаемъ примѣръ, когда утопичнымъ, беспочвеннымъ и доктринерскимъ является сдержанный и осторожный „минимализмъ“, и тутъ мы почти готовы апплодировать горделивому девизу, вчера еще столь популярному у теперешнихъ политическихъ скромниковъ: „Духъ разрушенія есть творческій духъ“.

Перестанемъ же говорить о „демонѣ“ разрушенія, витающемъ надъ революціями, и постараемся съ чисто-объективной, психологической точки зрѣнія уловить духъ революціоннаго процесса, духъ, тождественный и въ существѣ своемъ неизмѣнный, независимо отъ конкретной исторической обстановки. Сдѣлать это необходимо, если мы хотимъ взвѣсить шансы новой, противобольшевнической революціи въ Россіи и если слово „революція“ мы принимаемъ въ серьезъ.

3.

Если революція — слѣдствіе болѣзненнаго состоянія социального организма: разлада между правовымъ сознаніемъ правящихъ и управляемыхъ, — то наступаетъ она не при первыхъ симптомахъ болѣзни, не при первомъ же легкомъ недомоганіи. Назрѣваніе кризиса требуетъ времени, и за это время въ общественной психикѣ совершаются важныя измѣненія и перемѣщенія: прогрессирующее накопленіе антипатіи къ существующему порядку вещей. Накопленіе это не ограничивается усиленіемъ правового протеста, доведеніемъ его до той напряженности, при которой возможенъ становится революціонный взрывъ; нѣтъ, съ этой интенсификаціей

ведовольства неразлученъ другой процессъ и въ немъ-то ключъ къ уразумѣнію того, что скрывается подъ обычными толками о максимализмѣ или — по старинному — нигилизмѣ революціонной идеологій.

Дѣйствительно больной пунктъ социальнаго строя (напр., въ Россіи пережившее себя крѣпостное право), вызвавшій въ обществѣ этическую оппозицію, скоро перестаетъ быть ея единственной мишенью. Если исцѣленіе не удастся достаточно быстро и социальная хвороба достаточно серьезна*), начинается опаснѣйшая эра воображаемыхъ болѣзней. Въ силу процессовъ, которые одинъ современный и недавно еще соотечественный намъ психологъ и социологъ назвалъ „эмоціональной аберраціей“, режимъ, ставшій объектомъ этической антипатіи, надѣляется въ сознаніи общества мнимыми недостатками и пороками, значеніе наличныхъ изъяновъ преувеличивается, и это бессознательное „оклеветаніе“ и охудженіе не ограничивается даннымъ обветшавшимъ институтомъ, но переносится на сосѣдствующие элементы правопорядка и, въ случаѣ затяжки кризиса, социальная антипатія неудержимо распространяется на все то, что ассоціировано въ общественномъ представленіи съ ненавидимымъ порядкомъ вещей.

Ирраціональный по своей природѣ, процессъ этотъ, т. е. ск., не разбираетъ правыхъ и виноватыхъ. Жертвой его неизбежно падаютъ весьма почтенные и заслуженные элементы традиціоннаго правового и моральнаго уклада, далеко не исчерпавшие еще своего историческаго призванія. Чрезвычайно характерна въ этомъ смыслѣ враждебность революцій къ церкви: по существу нейтральная, церковь платится за свое вѣдшее союзничество съ государственной властью.

Огудное осужденіе существующаго строя вытѣсняетъ консервативные элементы изъ общественной психики — возникаетъ то состояніе идейнаго разрыва съ исторической дѣйствительностью, тотъ непримиримый радикализмъ, которые характеризуютъ революціонную психологію.

Однажды доведенная до этическаго кипѣнія въ крестьянскомъ дѣлѣ, русская интеллигенція предрасположена была къ рѣзко-оппозиціонному трактованію смежныхъ вопросовъ — о поземельномъ бытѣ крестьянъ. Создалась злополучная, но цѣпкая легенда о „вѣковыхъ народныхъ чаяніяхъ“, общественная антипатія перебрелась на существующій аграрно-экономическій строй вообще, затѣмъ — на поддерживавшую его государственную власть. Дви-

* Проблема крѣпостнаго права — источникъ русскаго революціоннаго движенія. На затянувшееся рѣшеніе или рожденіе революціонному народничеству, проложившему вѣдмѣ путь западному социализму. Обозданіе, котораго опасался Освободитель не было предотвращено; опозданіе, страшное не безпорядкамъ „декабря“, а пришествіемъ революціонной бациллы образованному обществу.

женіе сразу же приняло буйный анти-монархическій характеръ, заливъ собою шедшія изъ другихъ сферъ конституціонныя стремленія, которыя оно „поддержало“ такъ, какъ пособляютъ спускающемуся съ утеса альпинисту, перерѣзая веревку и тѣмъ „ускоряя“ его движеніе къ подножію.

Никто не заподозритъ насъ, конечно, въ отрицаніи объективныхъ причинъ революціоннаго движенія. Безъ объективно-палличнаго соціального зла не было бы этической бури, а безъ нея не было бы и абераціи. Но за то аберація эта — непремѣнный спутникъ разъ начавшагося соціального недуга, психической факгоръ, фатально извращающій оцѣнки исторической дѣйствительности общественнымъ мнѣніемъ и обрекающій общество на соціально-политическій нигилизмъ. Надъ русской интеллигенціей тяготеетъ обвиненіе въ антигосударственности. Это — или несправедливость, или плеоназмъ. Несправедливость, если подразумѣвается какое-то органическое свойство, въ стилѣ „славянской анархичности“ и т. п. Плеоназмъ, если предикатъ „антигосударственности“ включается въ повѣсть о народѣ, загнанномъ на революціонное бездорожье скомпрометированною государственною системою.

Роковымъ образомъ, общественная антипатія, создающаяся въ порядкѣ эмоціальной абераціи, рано или поздно становится заслуженною. Отъ администраціи отливаютъ лучшія силы общества, гнушающіяся служеніемъ презираемому правопорядку; остающіеся вокругъ правительства элементы, чья дѣятельность лишена этической санкціи въ чужихъ и ихъ собственныхъ глазахъ, подвергаются духовной дегенераціи, интеллектуальному и моральному измельчанію и исподленію. Бездарность и апатія управленія, внутреннія и внѣшнія неудачи (проигрышъ войнъ въ такихъ условіяхъ фатально предопредѣленъ) усугубляютъ степень эмоціального оттолкновенія общества отъ власти и повышаютъ все больше и больше температуру революціоннаго нигилизма.

4.

Радикализму отрицанія соответствуетъ не меньшей радикализмъ положительныхъ домогательствъ, революціонныхъ поступковъ.

Быть можетъ, будущая соціологія, избавившись отъ навязчиваго „классовыхъ интересовъ“ и прочихъ призраковъ ночи и удѣливъ должное вниманіе жизни идей, почтетъ умѣстною разработку такой темы: „объ умѣренности общественныхъ ученій“ (подъ соотвѣтствующимъ учено-импозантнымъ заглавіемъ, примѣрно: „модератизмъ и его происхождение“ или т. п.). До тѣхъ поръ мы со всею подобающею скромностію, позволимъ себѣ, въ совершеніи эскизной формѣ, высказать слѣдующую гипотезу.

Съ того времени, какъ человѣчество усвоило обыкновенце въ своей социальной жизни руководствоваться „ученіями“, т. е. комплексами общихъ началъ, вырабатываемыхъ индивидуальными мыслителями, оно получаетъ эти руководящія начала въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ мастерской производителя: въ видѣ системы абстрактныхъ положеній. Къ тому же — и это важнѣе — дѣло идетъ тутъ о новыхъ принципахъ, исторически обычно неизвѣданныхъ, и самый недостатокъ опыта предрѣшаетъ неизбежность односторонностей и утрировокъ. Наконецъ — и это важнѣе всего предыдущаго — „ученія“ эти — голосъ нарождающагося новаго правосознанія, воинственно противопоставляющаго свою высшую этическую правду „несправедливости“ позитивнаго правопорядка; по самой своей психологической природѣ они не склонны, такимъ образомъ, къ компромиссамъ съ социальной дѣйствительностью.

Поэтому, новыя ученія, при рожденіи своемъ, всегда абстрактны и не „умѣренны“.

И вотъ, судьбы народовъ порою зависятъ отъ того, удастся ли эти опасныя въ своей непримиримой абстрактности идеи укротить и привести въ такое соотвѣтствіе съ требованіями жизни, чтобы реализація новыхъ принциповъ не порвала эволюціонной преемственности.

Это удается въ странахъ, гдѣ новыя идеи на своемъ пути къ завоеванію умовъ встрѣчаютъ крѣпкую консервативную идеологию. Тамъ, гдѣ существующій строй, при надобности передѣлокъ, въ шлохъ все же далекъ отъ разложенія и все еще располагаетъ этической поддержкой общества, тамъ проповѣдь новаторовъ неизбежно перерождается подъ давленіемъ традиціонныхъ воззрѣній: оппозиція сталкивается съ апологіей — и пусть апологія не такъ патетична какъ оппозиція, она все же равня ей по твердому эмоциональному тону, по солидности своего этического фундамента. Въ этой борьбѣ идей важна не убѣдительность логической аргументаціи, а эмоциональная сила этической убѣжденности — и владѣя этимъ оружіемъ, консервативныя „ученія“ и симпатіи заражаютъ, волничаютъ себя и модифицируютъ первоначальныя абстрактно-оппозиціонныя идеи. Новаторамъ прививается инстинктивное стремленіе беречь существующій строй, боязнь рискованныхъ экспериментовъ, отвращеніе къ насильственнымъ потрясеніямъ, готовность къ компромиссамъ — однимъ словомъ, политическая „умѣренность“.

Въ странахъ безъ прочной консервативной психики всѣ попытки насадить умѣренный политическій стиль остаются тепличными (французскіе *doctrinaires* сто лѣтъ тому назадъ).

И нѣтъ силъ земныхъ, которыя могли бы породить или удержать умѣренную идеологию въ странахъ съ развалившимся строемъ, на прогнившемъ этическомъ фундаментѣ, въ странахъ, обреченныхъ революціоннымъ нигилизмомъ. Не только абсолютно отсут-

ствуесть тутъ умѣряющее воздѣйствіе консервативныхъ идей, но имѣется и специфическій положительный агентъ, ожесточенно истребляющій всякія эволюціонно-реалистическія поползновенія. Упомянутая выше нигилистическая аберація не останавливается и передъ міромъ идей и предаеьт безпощадному ostracismу и людей и воззрѣнія, не отвѣчающія радикальному канону (всѣмъ намъ памятна роль, какую цenzъ лѣвизны игралъ въ русской общественной). Въ этой раскаленной атмосферѣ всякаго рода политическая и вообще идейная „умѣренность“ испаряется и улетучивается безслѣдно, какъ стаканъ воды, выплеснутый въ доменную печь.

Англійская реформа 1832 г. идейно-генетически восходитъ къ той же самой либерально-индивидуалистической доктринѣ политическаго самоуправленія, которая вдохновляла и французскую публицистику XVIII в. (параллель между Бентамомъ и Монтескье). Но въ революціонной Франціи эта абстрактная концепція вылилась въ отрицаніе народнаго представительства у Руссо (и въ практически всеобщее избирательное право въ первой же конституціи), а въ консервативной Англійи она же, обрастая компромиссами, сдержками и урѣзками, благополучно докатилась до законодательной глорификаціи 10-фунтоваго цenza.

Но, быть можетъ, разительнѣйшее подтвержденіе нашей гипотезы — въ примѣрѣ болѣе намъ близкомъ: социализмъ въ Россіи и на Западѣ (особенно въ Германіи). Тутъ, словно нарочно въ цѣляхъ социологическаго эксперимента, не то что идейно-однородное ученіе, а буквально одинъ и тотъ же литературный памятникъ — сочиненія Маркса и его школы — были перенесены въ двѣ различныя социально-психическія среды, революціонно-нигилистическую и консервативно-уравновѣшенную — и надо ли говорить о различіи идейныхъ результатовъ! Если эмпирическое констатированіе несуществованія русскаго „умѣреннаго социализма“ представляетъ легкій трудъ, то для насъ и этотъ трудъ излишенъ: съ точки зрѣнія нашей гипотезы, умѣренный социализмъ въ Россіи a priori столь же невозможенъ, какъ урожай финиковъ во 2-мъ Парголовѣ.

Въ Россіи старому режиму противустояла не одна, а двѣ силы: либерализмъ и социализмъ. Какъ и естественно въ странѣ безъ консерватизма, умѣренной не была ни одна изъ нихъ: каждая была максималистична въ своемъ родѣ. Толки же объ „умѣренныхъ социалистахъ“ имѣютъ въ виду ихъ умѣренность по отношенію къ будущему, еще требующему установленія, либеральному строю. Добиться этой умѣренности можно, съ точки зрѣнія нашей формулы, единственно лишь насажденіемъ крѣпкой либерально-охранительной идеологіи, этически увѣренной въ себя, способной на борьбу и грозной въ борьбѣ. Идеиный натискъ со стороны эмоционально-вліятельнаго либерализма психологически-неотвратимо долженъ будетъ модифицировать и нашъ социализмъ и опасность этой борьбы побудитъ социализмъ обтесать свои острые углы. По-

спѣшное же забѣганіе навстрѣчу социалистамъ, затушевываніе и обезсиленіе либеральныхъ принциповъ приводитъ только къ противоположнымъ результатамъ; сближеніе можетъ быть продуктомъ умѣренности, но не начальнымъ ея факторомъ.

Въ pendantъ къ „антигосударственности“, въ обвинительномъ актѣ противъ русской интеллигенціи значатся „абстрактное доктринерство“ и „утопизмъ“. И опять таки, для смягченія приговора можно сказать: это — не какіе-нибудь специфическіе, природные недостатки русскаго общества; какъ радикализмъ отрицанія, какъ и другія традиціонныя черты нашей интеллигенціи (напр. знаменитое „народолюбіе“), такъ и положительный радикализмъ или абстрактный максимализмъ — лишь атрибуты революціоннаго духа, типически и неизмѣнно проявляющіеся въ тѣхъ социальныхъ тѣлахъ, въ которыхъ вселяется этотъ духъ.

Резюмируемъ сказанное раньше:

Духъ революціи — это радикализмъ отрицательный плюсъ радикализмъ положительный, нигилизмъ отрицанія и дерзкій максимализмъ провозглашенія.

Въ свѣтѣ этихъ критеріевъ взвѣсимъ шансы революціи въ Россіи.

5.

Радикализма отрицательнаго — хоть отбавляй. Толчекъ невиданной силы данъ тому процессу нарастанія социальной антипатіи къ дѣйствующему режиму, который изображенъ нами раньше. Неправомѣрная въ глазахъ населенія власть, ежедневно посмѣвающаяся священнѣйшимъ этическимъ началомъ; баснословная административная импотенція; уклоненіе честныхъ отъ службы государству (пресловутый саботажъ) и коррупція чиновничьей какістократіи; бѣдствія безъ мѣры и числа.

Объ интенсивности противосовѣтскаго настроенія распространяться не стоитъ. Въ минуты усталой откровенности проговариваются объ этомъ и авгуры совѣтской прессы. Отмѣнны нужны лишь двѣ особенности.

Вслѣдствіе введеннаго большевиками каррикатурнаго сверхсоциализма и безпросвѣтнаго огосударствленія, никогда не была такъ ошутительна, такъ явственна для населенія связь между существующей политической системой и всѣми ея невзгодами. Совѣтское государство слѣдуетъ за обывателемъ по пятамъ, ежеминутно наступая ему на ногу — и преобольно. Въ Совѣтороссіи гдѣ сходятся трое, они сходятся во имя Совдепа. Все, что дѣлается въ социальномъ быту, дѣлается государствомъ — и дѣлается до нельзя скверно. Противоположное по структурѣ убѣжденіе: вся и всякая скверна — отъ этого государства, — растетъ поэтому въ сознаніи населенія съ быстротой, которая никогда не могла бы быть достигнута внѣ условій социализации. Процессы эмоциональной

аберацій и асоціативнаго „растеканія“ общественной антипатіи съ отдѣльныхъ элементовъ гнетущаго строя на весь режимъ безъ остатка — эти процессы, столь важные для пониманія революціонной психологіи, въ коммунистической Россіи мчатся съ удесятенной силой.

Въ прежнія времена „государственнаго невмѣшательства“ связь между холерными эпидеміями и высшей политикой (скажемъ, взаимоотношеніями правительства и Думы) была тоже вполне реальна, но раскрытіе ея требовало недоступныхъ массамъ умозаключеній. Теперь же сыпной тифъ такъ и зовется въ народѣ — „совѣтской болѣзнью“.

Вторая особенность. Обычно государство ведетъ свою работу, движимое заботой объ охранѣ порядка и о — худо ли, хорошо ли понимаемомъ — общемъ благополучіи. Это цѣли само собой разумѣющіяся, ими руководствуются — болѣе или менѣе добросовѣстно, но о нихъ не говорятъ и работа администраціи носитъ характеръ буднично-дѣловой и прозаической. Не то у большевиковъ. Они не управляютъ, а священнодѣйствуютъ. Совѣтская власть словечка въ простотѣ не скажетъ: все дѣлается во имя новой міру, высшей цѣли, все озаряется бенгальскими огнями, все возвѣщается трубными звуками герольда на площади. О чемъ трубить три года совѣтскій герольдъ? О социализмѣ. Все испытанное и претерпѣваемое неразрывно связано въ сознаніи населенія съ служеніемъ социализму. Вспомнимъ сказанное о влияніи асоціативности на направленіе общественныхъ антипатій — и уже отъ одной этой тяжелой гири чашка съ шансами социалистской революціи въ Россіи стремительно взвѣсится вверхъ.

Нѣше мнѣніе объ укореняющейся въ Россіи антипатіи къ социализму („Речь“, 4 января) вызвало заявленіе, что „утверждать это можно лишь черезъ призму южно-русской власти“. Мы рѣшаемся рекомендовать нашимъ оппонентамъ другую призму: ту, черезъ которую смотря авторитетные европейскіе социалисты, странашіеся по в с е м ѣ с т н о й компрометаціи социализма изъ-за совѣтскаго буйства, „засвиначившаго революцію“ (Грейлихъ)*.

Можетъ показаться страннымъ говорить объ „абераціи“ по поводу рота антисовѣтскаго радикализма. Но, во-первыхъ, мы съ самаго начала условились разсматривать процессъ развитія „революціоннаго духа“ объективно и абсолютно, независимо отъ до-

* Окончательное сужденіе о значеніи большевицкаго эксперимента для судебъ западнаго социалистическаго движенія представляется, однако, болѣе сложнымъ. Оттолкнувъ нейтральное общественное мнѣніе, примѣръ русскихъ иловъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрезвилъ вліятельные круги среди самихъ социалистовъ, укряпиль — и своимъ крушеніемъ еще болѣе укряпиль, — реформистскія теченія и подорвалъ вѣру въ классовую борьбу — эту главную язу, морально развѣдающую и обезсиливающую современныя социализмъ.

бротности или злокачественности отрицаемых имъ началъ; психологически же это неудержимое „блужданіе“ соціальной антипатіи остается однороднымъ, направлено ли оно противъ исполкомовъ и ихъ приспѣшниковъ и сосѣдей, или же противъ „министровъ-капиталистовъ“ и банковскихъ сейфовъ. А затѣмъ: какъ бы эта психическая ржа не переползла тѣ границы, за которыми уже и съ точки зрѣнія нашихъ желаній начинается область „абераціи“. Какъ бы пучина политическаго нигилизма, воспитываемаго сейчасъ въ Россіи, не поглотила и такихъ цѣнностей, которыя всѣ мы должны будемъ оплакивать. Психологическая подоплека парижской „новой оріентаціи“ — смертельный страхъ передъ реакціей. Страхъ — дурной совѣтъчикъ. Въ условіяхъ того губительнаго соціально-психологическаго процесса, который мы назвали выше безсознательно-эмоциональнымъ „оклеветаніемъ“ и пережить который неизбежно обречена страна послѣ великихъ потрясеній, — нѣтъ большей опасности для дѣла прогресса, чѣмъ дурныя „ассоціаціи“ — одновременно въ политическомъ и психологическомъ смыслахъ.

Массовая аберація въ сторону реакціи — это опасность, которая должна побудить насъ пуше огня избѣгать компрометирующихъ связей. Во время степного пожара, говорятъ, звѣри съ перепугу бросаются въ огонь. Сближеніе съ социалистами въ виду возможной реакціи — это такой же перепугъ.

6.

Духъ революціи — въ ея антитетичности, антиномичности по отношенію къ испровергаемому строю, въ ея контрастномъ характерѣ. Это — формула, одинаково покрывающая и французскую революцію, и нашу социалистическую 1917 г., и ту, столь многими ожидаемую, для которой, казалось бы, подготовлена теперъ почва въ Россіи.

Почва вспахана, но гдѣ же сѣятель? И чѣмъ же жаждущая идейно-политической антитезы Россія?

А вотъ чѣмъ:

„Дать полное право дѣйствія крестьянамъ надъ всю землемъ такъ, какъ имъ желательно, а также имѣть скотъ, который содержать долженъ и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемнымъ трудомъ. — Разрѣшить свободное кустарное производство собственнымъ трудомъ“.

Это — лозунги, сочиненные для кронштадтскихъ матросовъ.

Умилительное зрѣлище! Апостолы „аграрнаго реформизма“, не боясь Чернова, не только смиряются до прелестнаго въ своихъ застѣнчивыхъ экивокахъ признанія земельной собственности; нѣтъ, палadini „сермяжной демократіи“ готовы провозглашать величавый принципъ свободнаго производства домотканыхъ холстовъ и деревянныхъ ложекъ.

И, наконецъ, эсъ-эръ — судя по пріютившей его газетѣ, не просто „умѣренный“ эсъ-эръ, а эсъ-эръ, умѣренный во всѣхъ отношеніяхъ, — предлагаетъ этакій „билль о реформѣ“: при выборахъ въ совдепы упразднить коммунистическія „гнилыя мѣстечки“ и повсюду завести чистенькія рабоче-крестьянско-батрацко-красноармейско-казачьи избирательныя коллегіи.

Но, помстивъ, націоналізація ли съ деревянными ложками, или націоналізація, но безъ ложекъ, это для русскаго населенія споръ о *bonnet blanc ou blanc bonnet*. А революція во имя „поллиныхъ“ совѣтовъ въ нынѣшней Россіи — право же, въ свѣтъ того, что мы знаемъ о природѣ революціи съ ея „положительнымъ радикализмомъ“, это — нѣчто гораздо менѣ правдоподобное, чѣмъ возстаніе во имя „конституціи“ Лорисъ-Меликова.

О, если бы сотую долю этой благодѣтельной скромности мы проявили раньше, въ то время, когда Россія еще шла справа налево! Тогда русская нація изумила бы міръ не только кротостью голубя, какъ теперь, но и мудростью змія. Но, когда мы дѣлали революцію, мы не были ни кротки, ни . . . мудры; а теперь, когда мы стали кротки, не похоже на революцію.

Русская соціалистическая психика, дѣйствительно, „умѣренна“, но, какъ выразался гоголевскій Осипъ, это умѣренность „съ другой стороны“. И потому то наши соціалисты не пригодны не только для эволюціонной политики въ будущемъ, но и для революціонной въ настоящемъ.

Теоретически, нѣтъ основанія отрицать возможность интенсивнаго общественнаго движенія на „умѣренныхъ“ нотахъ. Какъ ярко и грозно демонстрировали англійскіе рабочіе наканунѣ реформы 1832 г. (должно быть, обманутые праотцами нынѣшнихъ соціаль-предателей, — бѣдняги добивались расширенія избирательныхъ правъ своихъ эксплуататоровъ и „классовыхъ враговъ“). Но въ Россіи, съ ея огнедышащимъ анти-совѣтскимъ радикализмомъ, такое движеніе подъ идеологическую сурдинку представлялось намъ невѣроятнымъ и до опыта этихъ трехъ лѣтъ.

Традиціонная интеллигентско-соціалистическая идеологія наша такъ же приспособлена къ руководству противобольшевистскимъ движеніемъ, какъ форты Кронштадта — къ обстрѣлу Петрограда.

И кричащій диссонансъ между напряженностью „отрицательнаго радикализма“ и скромностью положительныхъ домогательствъ — симптомъ того, что настоящее идейное движеніе еще не началось. Кто овладѣетъ этимъ движеніемъ? Кто скажетъ слово, созвучное тону взрожденнаго совѣтовластіемъ революціоннаго „нигилизма“? That is the question.

Пока что, политически Россія не вѣрнѣе ни въ чорта, ни въ чохъ. И отъ того-то такъ крѣпко на ея шеѣ коммунистическое иго.

7.

Но измѣнимъ наши предпосылки. Допустимъ, что социальная антипатія, возбужденная большевизмомъ, не доползла еще до „соціализма вообще“ и что русская общественность все такъ же вѣрна духу 1917 г., какъ оставались вѣрны французы своимъ „принципамъ 1789 года“. Повышаетъ ли это шансы социалистической революціи? Очень мало.

Кризисъ, вызванный застопорившимся ходомъ мирнаго развитія, разрѣшается взрывомъ нарастающихъ тѣмъ временемъ революціонныхъ идей. Но кризисъ, въ который страна попадаетъ вслѣдствіе эксцессовъ революціи, застаётъ ее въ состояніи идейной разслабленности. Движущія идеи, во имя которыхъ совершена революція, представляющіяся великими въ ея началѣ, тускнѣютъ по мѣрѣ ихъ компрометаціи революціонной практикой. Связывавшіяся съ революціей ожиданія всеобщаго благополучія не сбылись; специфическія извы революціоннаго режима — нелояльная партійность и терроръ — дискредитируютъ новый порядокъ вещей. И если даже народное сознание не дезавуируетъ полностью вчера еще воодушевлявшихъ его идей — эмоциональный тонъ ихъ неизбѣжно слабѣетъ, зажигательная сила утрачивается. Разочарованное равнодушіе смѣняетъ недавній энтузіазмъ. Но во е революціонное движеніе въ этой атмосферѣ становится психологической невозможностью. Можно весьма холодно относиться къ революціи, какъ таковой, но нельзя отрицать присущей ей героичности. А къ героизму не располагаетъ социальный катценъ-яммеръ.

Не только понижается температура политическаго чувствованія, но измѣняется и качественный составъ его. Мѣсто исканія этической правды, составляющаго душу предреволюціонной агитаціи (даже у такъ называющихъ себя научныхъ соціалистовъ), занимаютъ поиски практическаго исхода изъ обступившаго народъ мучительнаго лабиринта. Поскольку вѣра въ провозглашенные революціей принципы не угасла, появляется стремленіе къ ихъ передѣлкѣ и приспособленію, такъ, чтобы и подъ ихъ главенствомъ обезпечить сносную жизнь. Оппозиція противъ установленнаго революціей режима имѣетъ характеръ не принципиально-этической, а утилитарно-пѣловой. Пренебрегаютъ принципиальной послѣдовательностью, дорожатъ практичностью; крѣпнеть тяготѣніе здѣсь къ компромиссу, тамъ — къ реставраціи, вездѣ — къ разжиженію и обезвреженію революціонныхъ правовыхъ абстракцій. Но объ э т и ч е с к о м ъ подъемѣ на этой у т и л и т а р н о й почвѣ не можетъ быть и рѣчи. Лозунгъ: „да здравствуетъ то же, но въ полу-

бутылкахъ” — это лозунгъ, во многихъ случаяхъ очень неглупый, но — такова ужъ грѣшная людская природа — онъ не вызываетъ революціоннаго энтузіазма. Въ этомъ состояніи этической вялости населеніе можетъ съ вождельніемъ ждать государственнаго переворота, который принесетъ ему порядокъ и твердую власть: изъ самоотверженно-энтузіастическое массовое движеніе, составляющее существо революціоннаго акта, оно не способно.

Нигдѣ не видно это съ такой схематической ясностью, какъ на примѣрѣ гипотетической „революціи социалистовъ противъ большевиковъ“. Большевикомъ побиваютъ демонстраціей ихъ экономическаго безразсудства, ихъ гибельнаго доктринерства и наивной прямолинейности въ насажденіи социализма; имъ противопоставляются доводы о необходимости уступокъ ради возстановленія народно-хозяйственнаго аппарата, ради надлежащаго использованія производительныхъ силъ страны; словомъ — тысяча реально-политическихъ соображеній, техническо-практическихъ рецептовъ: утилитарная критика, но не контрастная этическая пропаганда. А разъ такъ, то о своей революціонной роли социалистамъ нужно забыть надолго — до тѣхъ поръ, пока передъ ними не окажется снова „буржуазный“ противникъ.

По-революціонному похмелью свойственна идеологическая анемія — и мы дедуктивно приходимъ къ заключенію о невозможности того, что пришлось бы назвать „обратной революціей“: массоваго движенія подъ руководствомъ прежнихъ революціонныхъ идей, но противъ выдвинутой революціею, упорствующей въ эксцессахъ власти.

Историческая повѣрка подтверждаетъ нашу дедукцію: сколько хватаетъ глазъ, на полѣ исторіи не видно „обратныхъ революцій“. Три наиболѣе яркихъ, максималистскихъ революцій — первая англійская, великая французская и парижская 1848 г.: всѣ три нашли исходъ не въ обратной революціи, а въ государственномъ переворотѣ.

Поскольку новая тактика лѣвыхъ к.-д. зиждется на ожиданіи такой „обратной революціи“ — она построена на предположеніи теоретически неимовѣрномъ и исторически безпримѣрномъ.

Нашъ песимизмъ не идетъ такъ далеко, чтобы отрицать возможность революціоннаго движенія въ Россіи при всѣхъ условіяхъ и хотя бы и въ ближайшіе годы. Вообще, шансы возрожденія здоровой идейно-политической жизни въ Россіи въ извѣстномъ смыслѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ, напр., въ свое время во Франціи, которая отъ идеологическаго разгрома, учиненнаго великой революціей, не могла оправиться свыше ста лѣтъ. Но это — особая тема. Теперь же мы хотимъ лишь указать на полную безнадежность гальванизировать въ цѣляхъ ликвидаціи нашей социалистической революціи — социалистическія же идеи.

Трехлѣтний параличъ Россіи — трагическое подтвержденіе этико-идеологическаго пониманія революціи. Этотъ параличъ — непостижимая загадка съ точки зрѣнія теоріи „матеріальныхъ интересовъ“ и т. п.

Три года мечутся синицы съ социалистическими лозунгами надъ русскимъ моремъ. И дивятся, что море не зажгли.

Д. Оpatовскій.